

Отраженная исповедь Алеши Карамазова: свое «чужое слово»

Научный руководитель – Максимова Екатерина Сергеевна

Баушова Надежда Александровна

Студент (бакалавр)

Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Кафедра отечественной литературы, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: baushova@sfedu.ru

Сложность анализа исповеди Алеши Карамазова заключается в том, что традиционно понимаемой монологической исповеди у этого героя нет. Голос этого героя романа Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы» обретается в чужом слове, в голосах других персонажей: признания Алеши в диалогах с другими героями образуют особый нарратив, который мы называем «отраженной» исповедью. Ее суть состоит в том, что герой откровенно высказывается в ответ на реплики других персонажей. Данная форма исповеди подразумевает диалог, где признание героя невозможно понимать вне контекста всего разговора, а в иных случаях и всего действия произведения.

Исповедь Алеши имеет две характерные черты, которые приводят героя к роли носителя «проникновенного слова»: познание себя через другого и раскрытие в герое карамазовского начала.

Если большинство героев романов Достоевского, признаваясь в чем-то, всегда оглядываются на слово другого как на что-то враждебное, то для Алеши другой становится отражением его самого. Через «открытую реплику другого» он познает свою потаенную мысль и признает ее. Так, в диалоге с Ракитиным Алеша признается в предположении, что брат способен на убийство отца: «Я... я не то чтобы думал, – пробормотал Алеша, – а вот как ты сейчас стал про это так странно говорить, то мне и показалось, что я про это сам думал» [1: 73].

Во время исповеди Мити Карамазова мы видим, что Алеша разделяет его чувство вины, поэтому он тоже признается брату, что их натуры не так уж и различаются. После такого признания младший брат способен на моральный суд над старшим, что мы и наблюдаем в главе «Исповедь горячего сердца. Вверх пятами».

В разговоре с Ракитиным, который состоялся после смерти старца Зосимы, Алеша цитирует слова, сказанные братом Иваном во время его исповеди: «Я против бога моего не бунтуюсь, я только "мира его не принимаю"» [1: 308]. Важно понять, чем были вызваны эти слова. Алеша сначала совершает моральный суд над Иваном (поцелуй Алеши), а потом претерпевает искушение. Он должен был понять своего брата, почувствовать бунт против Божественного порядка и преодолеть испытание, чтобы моральный суд действительно свершился. Этот эпизод также показывает непрекращающийся внутренний диалог Алеши, в котором он анализирует свои чувства «словами других людей», поэтому ему и не нужна развернутая монологическая исповедь.

Одним из симптомов карамазовской природы Алеши можно считать то, что он предвосхищает собственными признаниями исповеди братьев. Сначала признание Ракитину в понимании сладострастия, после чего семинарист-карьерист назовет его «тихоней», который «много уже передумал». Затем в сладострастии будет признаваться Алеше Дмитрий в «исповедях горячего сердца». В главе «Сговор» в разговоре с Lise Алеша признается ей в своей неуверенности в том, верует ли он в Бога, предвосхищая исповедь Ивана, которая будет посвящена его неприятию Божественного миропорядка. Все эти признания показывают, что Алеша задается теми же карамазовскими вопросами, что и его братья.

Герой становится носителем «проникновенного слова» (термин М.М. Бахтина) в эпизоде с легендой о луковке (мнимым падением Алеши), когда Грушенька «соскочила с его коленей». Этот жест открывает Алеше сложность и противоречивость ее души. Он скажет ей то, что ее собственный голос не решался утвердить в ней. Грушеньке необходимо было услышать эти слова от другого, который увидел скрытую добродетель и понял ее. В разговоре с Иваном в главе «Не ты, не ты!» вновь звучит «проникновенное слово» Алеши: он говорит брату то, чего просто не мог знать. Алеша видит обе природы, слышит оба голоса брата, и его цель состоит в том, чтобы заставить Ивана прислушаться к тому, который «прощает». Да, эти слова не действуют на Ивана мгновенно, как это было в случае с Грушенькой, но Алеша закладывает их в брата на будущее.

Форма «отраженной» исповеди раскрывает образ Алеши Карамазова: хотя его и причисляют к «молчаливым героям», за чьим молчанием «стоит внутренний покой (тишина)» [2: 439], в нем также скрывается напряженный внутренний диалог, который постоянно поддерживается словами другого.

Источники и литература

- 1) Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т.14.
- 2) Джоунс М. Молчание в «Братьях Карамазовых» // «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 435-445.